

— Елена Алексеевна, вы рискнули дважды войти в одну и ту же реку — вернулись в страну, где были звездой и где вас успели, скорее всего, позабыть. Что дало вам силы начать все с нуля или почти с нуля?

— Да, почти с нуля. Так будет точнее. Во мне сработала интуиция, я поняла, что могу и хочу работать в России. Последние несколько лет в Америке я тоже, впрочем, не бездействовала. Снялась в одном фильме, который ставили молодые люди, непрофессионалы, но большие энтузиасты своего дела. Именно этот опыт окончательно убедил меня: жизнь есть действие. Наступил тот этап, когда мне хочется себя реализовывать, а не заниматься рефлексией. И потом, не думаю, что меня здесь забыли. В последние годы фильмы с моим участием частенько крутятся по телевидению. Наезжающие в страну эмигранты еще недавно были в фаворе. Сейчас, правда, мода на них проходит. Я вернулась! Проблема возвращения человека к тому, что он когда-то бросил, — это прежде всего психологическая проблема. Она часто связана с преодолением депрессии, некоего внутреннего кризиса.

— Значит, вы вышли из своего внутреннего кризиса?

— Надеюсь, что вышла. Я теперь работаю, а это главное.

— Но у вас, вероятно, возникли иные психологические проблемы. Вы в начале восьмидесятых уезжали из одной страны, а в прошлом году вернулись в другую. Насколько вам удалось вписаться в новую реальность?

— Когда работаешь, то постепенно начинаешь занимать определенные позиции в социуме. А я много работаю. Мне предложили сыграть роль в пьесе Марии Арбатовой “Пробное интервью на тему свободы”. Но этот спектакль, который должен был ставить театр Александра Калягина, к сожалению, не состоялся. Зато я познакомилась с Петром Гладилыным — он дал мне прочитать свою пьесу “Тачка во плоти”. Позже в постановке Евгения Каменковича мы ее и сыграли с Дусей Германовой. Только что закончена работа над спектаклем “Лу” по пьесе австралийского автора Дэвида Джорджа, с тем же Каменковичем, а также над пьесой Стриндберга “Пария” в постановке Владимира Мирзоева. Появилось ощущение: я вошла в ритм.

Хотя, разумеется, были и проблемы отнюдь не творческие. Три года жизни в Калифорнии отучили меня от московской зимы. Я, например, первое время совсем не могла ходить по льду.

— Придется научиться, без этого в Москве не прожить.

— Уже научилась.

— Пригодился ли ваш американский опыт в российских широтах?

— Очень пригодился. Американская жизнь научила меня определенному позитивизму и конструктивизму.

— Что это означает?

— Означает следующее: я знаю, каким должен быть разумный человек, что есть разумное существование. И теперь мне в Москве с ее зимами, с ее безрадостной толпой в метро, со страшными, непонятными событиями, о которых не умолкает телевизор, есть на что опереться. Я имею в виду свое новое представление о разумности. Это залог выживания. Даже в Москве.

— Как вам удается не меняться во времени, сохраняя прежнюю юность и хрупкость?

— Не знаю. Полагаю, тело и дух связа-

ны. Я, наверное, не так сильно меняюсь внутренне, чтобы физически видоизмениться. Стараюсь быть активной, и это, наверное, главное.

— В нынешнем году исполнилось двадцать лет с тех пор, как вы буквально ворвались на экран с фильмом А. Кончаловского “Романс о влюбленных”. Ваша роль стала для многих откровением. Как вы сами относитесь сейчас к тогдашнему своему дебюту?

— Чисто формально моим дебютом в кино был фильм “Вас вызывает Таймыр” по пьесе Александра Галича в постановке моего отца Алексея Коренева.

— Я имею в виду дебют, принесший вам ошеломительный успех.

— Да, верно, для меня фильм действительно был связан со звездами, с мечтой, с судьбой. Меня привели на пробы к Кончаловскому, они затянулись на несколько месяцев. Все было похоже на вихрь. С момента знакомства с Кончаловским события моей жизни стали меняться молниеносно. Я благодарна этому опыту и как актриса, и как женщина — теперь знаю, что такое звездный час. Картину я и сегодня люблю, но не всегда смотрю, даже когда предоставляется возможность. Иногда очень тяжело видеть себя двадцать лет назад, с тем временем так много связано, но оно имеет отношение, увы, уже к совершенно другому отрезку жизни...

— От амплуа прелестных, нежных девушек с задыхающимся голосом вы перешли к ролям роковых женщин. Имею в виду, в частности, последнюю вашу работу — “Лу”. Это сознательный выбор или просто так складываются обстоятельства?

— Я не впервые слышу, что мои прежние работы ассоциируются с образами лирических голубых героинь, а теперь, мол, происходит естественное взросление. Хотя я и много лет назад играла роковых женщин. Достаточно вспомнить Клеопатру в “Цезаре и Клеопатре” и Ирину Лавровну в “Последней жертве”. Полагаю, дело не в возрасте, а скорее в перемене мировоззрения. Последние десять лет я провела в Америке в каком-то смысле довольно рискованно, я бы даже сказала, авантюрно. Встречала много ярких женщин, в частности, была знакома с Ниной Берберовой. Риск стал частью моего жизненного опыта. Актера же всегда привлекают роли, соответствующие тому, что он познал сам.

Если говорить о Лу, то она была бесосознательно, что ли, роковой. Хотя философия ее жизни — не разрушение, а созидание. Я говорю о созидании не в банальном, физиологическом смысле, как-то построить крепкую семью, а в более интеллектуальном, тонком, эфемерном. Она была просто невероятно хороша собой и производила такое же невероятное впечатление на мужчин. Ее любили Ницше, Фрейд, Рильке. Вызвать чувство потрясения в таких мужчинах может, конечно, только незаурядная или, как вы говорите, роковая женщина. В спектакле Лу производит такой афоризм Ницше: “Ты должна быть готова привести в жертву все ради познания некоторых истин”. Лу, как и всякий человек, пытающийся познать истину, олицетворяла некий рок.

— Как вы отожествились на моноспектакль? Ведь такая работа требует огромной концентрации сил — как исполнителя, так, кстати, и зрителя?

— Вот именно концентрацией сил меня и привлекал моноспектакль. В актерстве есть что-то от спорта, что мне всегда нравилось. Как-то, стоя в Калифорнии на бе-

регу океана, я смотрела вдаль и думала: “Кто я такая? Почему меня сюда занесло? Что я сейчас испытываю?” И ответила себе: “Чувство навигатора”. Для меня важно познать ощущение победы и преодоления. Вот и здесь я сказала себе — а что, слабо попробовать? Слабо тебе одной удержать зрителя столько времени? Слабо выучить сорок страниц текста? Раньше я с трудом доползала до пятнадцатой страницы, а тут взяла и выучила все.

— Монопьеса, помимо всего прочего, предполагает, видимо, значительность личности, произносящей монолог?

— Безусловно, на это может отважиться только человек с амбициями звезды. Да, есть во мне такие амбиции. Хотя я не так уж уверена, что необходимо быть столь безумно ярким источником света и

ну, скажем, Виктюк и у меня было бы свободное время, то я скорее всего согласилась бы. Может быть, Америка на меня так повлияла, но мне сейчас в первую очередь интересно находить что-то новое в себе, а не идти вслед за сформировавшимися именами.

— Вы так и хотите остаться кошкой, гуляющей сама по себе, и не намерены связать жизнь с каким-либо театральным коллективом?

— Я не хочу коллектива как такового. Я не знаю театра Анатолия Васильева, но предполагаю, что этот человек объединил вокруг себя людей, которые верят в него. А это много для жизни. Для меня это один из тех видов театрального коллектива, который безусловно не является профанацией единства, а строится на истинном инте-

Елена КОРЕНЕВА: Пора сыграть и в этой пьесе

энергии, чтобы держать на себе внимание час тридцать. Скорее, нужно попытаться открыть в психологии людей нечто новое. В Америке и на Западе моноспектакли — дело традиционное. У нас же к ним отношение кисловатое, мол, скучно, неинтересно. А мне — интересно. Искренне скажу вам: мне интересно существовать в одиночку на сцене. У Саши Абдулова, правда, свое мнение на этот счет. Если человек берет за монопьесу, считает он, то, стало быть, никто с ним не хочет играть.

— Абдулов — известный шутник.

— Да, шутник. А другой мой приятель сказал еще остроумнее: существуют монопьесы, но не существует моносуществования, моножизни.

— С вами трудно работать, вы капризная актриса?

— Прежде со мной никогда не было трудно. Однако подозреваю, что в работе над монопьесой моему режиссеру досталось как следует. Я очень нервничала, сомневалась, боялась именно потому, что была одна на сцене.

— Сегодня вас выбирает режиссер, диктуя свои вкусы, или вы выбираете его?

— Пока дважды выбрали меня. Один раз это был режиссер Евгений Каменкович, с которым меня познакомил Давид Смелянский, продюсер спектакля “Лу”. Мне он сразу понравился — молодой привлекательный человек. Надо сказать, что во мне женщина еще жива, в самом традиционном смысле слова. Второй раз меня выбрал Володя Мирзоев, который как мне кажется, испытывает ко мне большую симпатию. Пока они выбирают меня, но означает ли это, что я не могу выбирать их? Я еще только-только начинаю разбираться в театральной Москве. Наверное, если бы мне предложил работу,

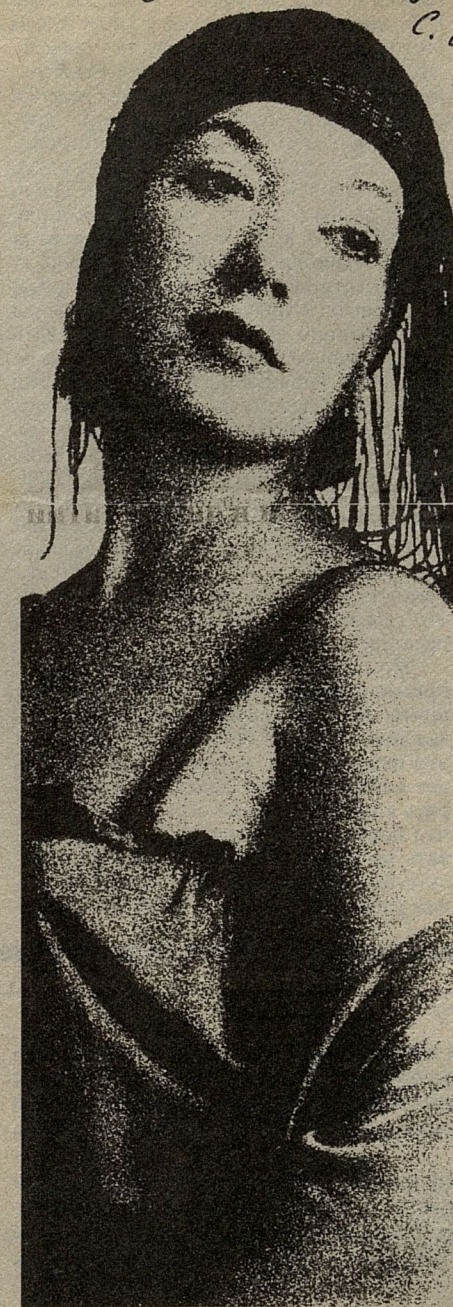
рес. Мне нравятся не классические, не традиционные театры, а театры-секты, театры-ритуалы. Я в каком-то смысле к этому тяготею. Хотя пока меня вполне устраивает то, что я свободна.

— Вы свободны от коллектива, но вряд ли вы можете быть свободны, независимы от такого понятия, как успех. Сегодня, судя по тому, что о вас много говорят и пишут, вам сопутствует успех. Вы сами для себя не пытались проанализировать его природу и причины?

— Не пыталась, потому что не могу пока определить степень успеха. Успех среди журналистов? Да, он очевиден. У публики? Сложно сказать. Залы действительно заполнены, но ведь они маленькие, сто — максимум сто двадцать мест. А это, согласитесь, не пятьсот. А вот то, что по мне соскучились, я действительно ощущаю. Причем я сейчас говорю не только о театральных зрителях. Недавно мы искали для Лу аксессуаров, обувь, одежду. Пришли в русский дешевый магазин. И вдруг ко мне подсаживается простая пожилая женщина и спрашивает: “Ну что, Лена, вернулась?” А на Тверской продащица цветов так по-деловому обратилась: “Вы давно приехали?” Это, конечно, не может не трогать. Разумеется, это не те люди, которые ходят на мои спектакли. Здесь сработал эффект отсутствия и возвращения. Но мне хочется верить, что у них есть надежды на меня и в плане творческом: быть может, я скажу им то, что другие не скажут? Люди хотят узнавать новое. Думаю, “Тачка во плоти” была своеобразной постановкой. И то, что мы с Германовой сыграли ее в автосalone, было оригинально. Пьеса “Лу” оригинальна тем, что женщина одна на сцене. Впрочем, ответить на ваш вопрос сложно:

Лит. газ. — 1994. — 28 дек.

С. 8.

вряд ли кому-нибудь до конца удалось определить природу успеха или неуспеха.

— Однако как минимум один компонент ясен всегда — нужна хорошая литературная основа, когда речь идет о театре. Мне показалось, что в последнее время при отборе репертуара вы отдаете предпочтение переводным пьесам. Есть тому причина?

— Да нет, я бы так не сказала. Скорее наоборот, предпочитаю пьесы русских драматургов. Очень радовалась, когда прочла “Тачку во плоти”. Это был хороший русский текст. Ну сколько можно играть Беккета и Ионеско (которых я очень люблю), сколько можно играть версий? Сколько можно выражать себя через известную западноевропейскую классику?

— Почему же вы взяли за Стриндберга?

— Стриндберг — особая статья. Признаюсь, я его никогда раньше не читала. Много раз пыталась — и в России, и в Америке, брала в руки том, но откладывала в сторону. А вот недавно сподобилась и

поняла: автор фантастический! Не зря великий Бергман считал, что его сформировал великий Стриндберг. Что же касается “Лу”, написанной западным автором, то для меня этот фактор незначителен. Пьеса как бы не носит черт определенной конкретной культуры. Насколько была космополитичной многоликая Лу, настолько космополитичен и Дэвид Джордж. Родился в Англии, долгое время жил в Китае, теперь живет в Австралии. Он не английский или австралийский автор, а просто хороший драматург для современного театра и зрителя.

— Наш разговор возвращается в основном вокруг театра. А между тем тетишки, узнавшие вас на улице, связывают ваше имя прежде всего с кинематографом. Вы окончательно порвали с кино?

— Да нет, такого решения я не принимала. Идет, видимо, обоюдный процесс: пока они тебя не требуют, то и ты их не хочешь. А вообще я в последнее время разочаровалась в киноопытах. В кино, в отличие от театра, актер уж очень отчужден от результата. Сегодня меня ситуация полной зависимости от кого бы то ни было не устраивает.

— Все ваши роли — в кино и в театре, вчера и сегодня — объединены, на мой взгляд, одним чувством — желанием любить и быть любимой. Насколько вам самой необходимо это чувство?

— Если честно, я стесняюсь рассуждать на подобные темы. Мне вообще не хочется расчленять эти понятия. Очень тяжело не любить, но еще тяжелее, когда тебя не любят. Мне знакомо это состояние. Я сейчас говорю даже не столько о конкретном мужчине, сколько о том чувстве отчужденности, одиночества, которое мне пришлось испытать в чужой стране. Моя боль иногда настолько обострялась, что нужно было иногда просто чисто человеческое прикосновение. Тогда я шла в кафе, где я просиживала часами за чашкой кофе, и живая аура общения косвенно передавалась и мне.

Но есть и другой аспект этой темы. Когда ты сама перестаешь любить. Это страшное чувство: ты никак не можешь понять, почему вдруг гасят свет? Свет погас, очарование ушло, а физическая оболочка тебя уже не привлекает. Человек чувствует себя обманутым. Любовь связана с мечтой и верой в кого-то и во что-то.

— Вы часто повторяете слово “вера”. Оно для вас много значит?

— Очень много. Вот, скажем, месяц назад я вдруг вновь чуть было не вошла в депрессию. Учила текст “Лу”, и в какой-то момент показалось: эта пьеса никому не нужна, и вообще никому ничего не нужно. Но меня опять спасла вера. Я способна делать только то, во что верю.

— Какой бы вопрос в финале нашей беседы вы задали сами себе?

— Я хотела бы спросить: Лена, что же будет? В июне, в июле, в августе? Иногда оглядываюсь и думаю: господи, знала бы я, что будет сегодня, пять лет или хотя бы один год назад. Мне очень нравится играть со временем.

— Так что бы все-таки вы ответили себе?

— Хочу выйти из пепла птиц Феникс. Хочу быть уверенной в том, что все делается правильно. Очень хочу, жду перемен. В том числе и в личной жизни. В конце концов пора уже и в этой пьесе сыграть.

Беседу вел

Мария ТАРОЩИНА